

О Горе-горянине, Даниле-дворянине

Горе-горянин, Данило-дворянин — жил он у семи попов по семи годов, не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил; и пошёл он в новое царство лучшего места искать. И палася ему навстречу бабка голубая шапка:

— Куды, — говорит, — Горе-горянин, Данило-дворянин, путь-дорогу держишь?

Отвечает ей Горе-горянин, Данило-дворянин:

— Жил я у семи попов по семи годов, да у дядюшки князя Владимира девять лет; не выжил я ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил.

— Что дашь от добра? — говорит ему бабка голубая шапка. — Доведу тебя до места хорошего. Будешь ли, — говорит, — поить-кормить, при смерти в зыбке качать?

— Буду, — говорит Данило-дворянин, — кормить-поить, при смерти в зыбке качать.

И пошли они вместе, и довела она его до места хорошего; вот и дошли они до двора: двор как город, изба как терем, комли не отрублены, вершины на сарай загибаны.

Вот она и поставила его под окошечко, а сама в палаты вошла. В палатах живёт одна себе Настасья-царевна; вот наша бабка голубая шапка вошла, помолилась, на все четыре стороны поклонилась, а Настасье-царевне в особицу.

— Эка, Настасья-царевна! Какая ты, — говорит, — хороша-пригожа, а живёшь ты одна!

— Как быть бабушка! — говорит Настасья-царевна. — Уж так привелось; нет никого, так живёшь и одна; что делать?

— Вот, — говорит бабка голубая шапка, — я тебе привела молодца; поглянется ли?

Сейчас в околенку брякнула, он и бежит в покои. Прибежал он в покои, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, Настасье-царевне в особицу. Вот он Настасье-царевне и приглянулся, и стала она с ним жить да поживать.

Вот она с ним живёт долго ли, коротко ли, и посылает его к дядюшке князю Владимиру:

— Зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сваты; надоть, — говорит, — нам с тобой обвенчаться.

Вот он сейчас обувался-одевался и прибежал к дядюшке князю Владимиру. Прибежал он к дядюшке князю Владимиру в терем, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу. Вот он и говорит:

— Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне в тысяцкие, жену твою Оброксу в сваты, надоть нам с ней обвенчаться.

У дядюшки князя Владимира сидят в это время гости енаралы за столом и говорят ему:

— Дядюшка князь Владимир! За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его такую службу, чтоб ему ввек не сделать.

— А какую же, — говорит, — накину я на него службу?

— А такую, — говорят, — чтобы к утру выстроил церковь.

Вот он и пошёл домой кручинен-невесел, головушку повесил. Вот Настасья-царевна встречает его и говорит:

— Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Разве тебя, — говорит, — дядюшка князь Владимир царским питьём обошёл или бранным словом нашёл?

— Нет, — говорит Горе-горянин, Данило-дворянин, — и бранным словом не нашёл и питьём царским не обошёл; а енаралы на меня службу накинули.

— А какую, — говорит, — службу?

— А такую службу: приказали к утру церковь изготовить.

— Не твоя печаль, не тебе и качать! — говорит Настасья-царевна. — Молися спасу, ложися спать; утро вечера мудренее.

Вот он спасу помолился и спать повалился, а Настасья-царевна вышла на круто красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом:

— Служки, няньки, верны служанки! Кто деревины вези, кто строй станови, чтоб к утру церковь поспела.

Вот как словом, так и делом; сейчас церковь готова. Вот она и встаёт утром ранёшенько:

— Ставай; — говорит, — Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора тебе идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; нам надоть с тобой обвенчаться: церковь готова.

Вот он и ставал утром ранёшенько, умывался, обувался, одевался скорёшенько и побежал к дядюшке князю Владимиру. Вот он и прибежал туда; богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу, и говорит:

— Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне, тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться: церковь готова.

Гости енаралы опять говорят дядюшке князю Владимиру:

— За экого чужестранного человека ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь, — говорят, — на его службу такую, чтобы ему ввек не сделать.

Вот он и говорит:

— А какую-такую я на его службу накину? Совсем я никакой не знаю.

— А такую, — говорят, — службу накинь, чтобы к утру, к свету, мост он соорстил: мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздём прибитые, по краям были бы перилы точены, головушки позолочены; на каждой головушке сидели бы птицы-пташечки и разными голосами пели.

Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошёл опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Настасья-царевна его встречает и говорит:

— Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, очень кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка князь Владимир царским питьём обошёл или бранным словом нашёл?

— Нет, — говорит, — и бранным словом не нашёл и питьём царским не обошёл; а как же мне веселу быть? Великую службу накинули на меня енаралы.

— Какую же службу накинули на тебя? — спрашивает его Настасья-царевна.

— А такую, — говорит он, — велели мост к утру, к свету, построить — мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздём прибитые, по краям были бы перилы точены, головушки позолочены; на каждой бы головушке сидели птицы-пташечки, разными голосами пели.

Вот она и говорит:

— Спасу молися и спать ложися: не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее.

Вот он спасу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на круто красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом:

— Служки, няньки, верны служанки! Сбегайтесь, сряжайтесь со всех четырёх сторон; кто мостовины вези, кто теши, кто перила точи, золоти, кто птиц имай и на головушки сади.

Вот и сделался такой шум, гром, визготок, что дядюшка князь Владимир и окошко затворил, подумал, что преставление свету будет. Вот как словом, так и делом состроили мост. Вот и будит Настасья-царевна и говорит:

— Ставай, Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; надоть нам с тобой обвенчаться, а мост готов — хоть царю по нём кататься, так не стыдно!

Вот он ставал ранёшенько, одевался скорёшенько, умывался, обувался и побежал. Вот он и прибежал туда, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю на особицу, и говорит:

— Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне; тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться, а мост готов — хоть царю кататься по нём, так не стыдно!

Гости енаралы опять говорят:

— За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его службу такую, чтоб ему не сделать и ввек.

— А какую же я накину на его службу?

— А такую, — говорят, — вели ему шубу сшить из сорока сороков чёрных соболей; соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита.

Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошёл опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Вот и встречает его Настасья-царевна и говорит:

— Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка царским питьём обошёл или бранным словом нашёл?

— Нет, — говорит, — и царским питьём не обошёл и бранным словом не нашёл, а как же мне веселу быть? Великую службу накинули на меня енаралы.

— А какую же? — говорит Настасья-царевна.

— А такую, — говорит, — велели сшить шубу из сорока сороков чёрных соболей, соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита.

Вот она и говорит:

— Спасу молися и спать ложися, не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее.

Вот он богу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на красно круто крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом:

— Служки, няньки, верны служанки! Кто соболи чини, кто шелки вей, кто золото лей, кто шубу шей, чтобы шуба к утру была сошита.

Вот сейчас служки, няньки, верны служанки только тряхнули — шуба готова! Вот Настасья-царевна и будит его.

— Ставай, — говорит, — Горе-горянин, Данило-дворянин, в божью церковь к заутрене! — и подала ему три золотые яичка: первым с попом похристосоваться, вторым с дядюшкой князем Владимиром.

— А третье береги, — говорит, — чем жить!

Вот он и приходит в божью церковь к заутрене о Христовом дне; людно народу в церкви, не пускают его:

— Бодёр очень! — говорят.

Вот он сейчас рукой пихнул, другой толкнул — народу лежит две улицы; он прошёл наперёд, стоит да молится. Вот это дядюшка князь Владимир усмотрел, посылает енарала:

— Поди, — говорит, — спроси: что это за человек, из чьих родов, из каких городов, зачем приехал, что ему надоть?

Вот енарал пришёл перед его, поклон отдал и стал его спрашивать. Он отворотился, да и рассмеялся:

— Вот, — говорит, — брюханьё! Не узнали же — службу-то прежде накидывали.

Вот приходит время христосоваться; он с попом похристосовался, с дядюшкой князем Владимиром тоже, а третье яичко в пазухе держит. Вот вышли из церкви. Бежит по бую Гришка фурлатильный, чёрненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца. Вот он Горе-горянин, Данило-дворянин третье яичко выхватил, годил в лоб, угодил в грудь, сшиб его с ног, бил, топтал, волочил, как барана в крови сделал.

Вот он приходит домой к жене; та его спрашивает, где яичко девал?

— Первым яичком, — говорит он, — с попом похристосовался, вторым с дядюшкой князем Владимиром, а третье... Есть у вас здесь какой-то мошенник Гришка фурлатильный, чёрненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца; я шиб его в лоб, угодил в грудь, бил-топтал, волочил, как барана в крови сделал.

— Ну и чёрт с ним! Так ему и надоть! — говорит Настасья-царевна.

Вот она сходила в горенку, вынесла оттуда два золотые яичка, себе взяла, ему дала — похристосовались. Опять его посылает к дядюшке князю Владимиру — звать его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи: «Надоть нам с тобой обвенчаться».

Вот он побежал. Вот и приходит, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу:

— Милости просим, — говорит, — к Настасье-царевне — тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; а енаралам твоим ничем меня не загонить.

Вот он и сказал:

— Сейчас пару коней вороных запрягу да и еду; ступай, — говорит, — домой, сряжайся да обряжайся.

Вот он приходит домой, с Настасьей-царевной сряжались да обряжались. Дядюшка князь Владимир приехал, ни пива варить, ни вина курить — всё готово! Весёлым пирком да и за свадебку; обвенчались, стали жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил, по усам текло, в рот не попало; дали мне колпак — стали в шею толкать, дали мне шлык — я в подворотню и шмыг!